

Глаголев С. С. Религия, как предмет исторического и философского изучения: [Рец. на:] Мензис А. История религии / Пер. с англ. М. Чепинской. СПб., 1897 // Богословский вестник 1897. Т. 2. № 6. С. 427–440 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Религія, какъ предметъ историческаго и философскаго изученія.

**Мензисъ. Исторія религіи. Переводъ съ англійскаго
М. Чепинской. 1897.**

(*Продолженіе*).

На каждой страницѣ книги Мензиса встрѣчаются положенія, которыя большинству занимающихся исторіей религіи представятъ спорными, сомнительными или даже прямо невѣрными. Но есть въ его книгѣ отдѣлы, которые во всякомъ читателѣ—по крайпей мѣрѣ читателѣ русскомъ—должны возбудить рядъ недоумѣній. Такова двѣнадцатая глава его книги, трактующая о религіи израиля. Намѣтивъ себѣ цѣль дать очеркъ исторіи религіи евреевъ на основаніи критическаго анализа ихъ священныхъ книгъ, Мензисъ предупреждаетъ читателей: „порядокъ, въ какомъ расположены въ Ветхомъ Завѣтѣ священные книги евреевъ, установленъ былъ съ особой точки зрѣнія въ поздній періодъ еврейской исторіи и во многихъ отношеніяхъ совершенно не естествененъ и ведетъ къ заблужденію“ (стр. 135—136). Мензисъ предполагаетъ, что читатели считаютъ книги Библии расположенными къ хронологической послѣдовательности. Ни одинъ читатель, конечно, не думаетъ этого о всѣхъ книгахъ Библии, но всегда полагали и большинство ученыхъ думаетъ и въ настоящее время, что законоположительныя и историческія книги Ветхаго Завѣта расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Мензисъ отрицаетъ это, предлагаемый имъ естественный порядокъ требуетъ, чтобы дѣти жили раньше своихъ отцовъ, ему нужно, чтобы книги Моисеевы были написаны послѣ пророческихъ, потому что законъ согласно научнымъ, изслѣдованіямъ, явился

послѣ пророковъ. Исторію сврейской религіи Мензисъ представляетъ такимъ образомъ. Сначала разбросанныя еврейскія племена имѣли—каждое—своихъ особыхъ боговъ, затѣмъ, когда они сплотились въ одно цѣлое, у нихъ явился общій богъ націи—Іегова, но другія божества продолжали еще почитаться. Содержаніе религіозной исторіи евреевъ состояло въ томъ, что національный богъ постепенно вытѣснялъ другихъ боговъ и въ концѣ концовъ сталъ единственнымъ богомъ. Религія долго не была централизована. Большія святилища рядомъ съ іерусалимскимъ существовали въ различныхъ мѣстахъ: Веилѣ, Данѣ и Вирсавіи. Иногда Іеговѣ приносились человѣческія жертвы, отголоскомъ чего являются повѣствованіи о принесеніи въ жертву Псаака, дочери Іефоая, Агага. Жертвы могли и умѣли приносить и частныя лица (примѣры Гедеона, Маноя), но были у евреевъ и жрецы, на нихъ лежала обязанность узнавать волю Іеговы, поступали они въ наемъ къ частнымъ лицамъ (наприм., къ Михѣ), рѣшали судебныя дѣла, причѣмъ смягчали дѣйствовавшее обычное право во имя правственныхъ началъ, но писанаго закона еще не существовало. Большое вліяніе имѣли у евреевъ пророки, получавшіе по ихъ мнѣнію и мнѣнію народа откровенія отъ Бога, бичевавшіе недостатки народа, призывавшіе народъ къ исправленію и усовершенствованію, добивавшіеся отъ царей благодѣтельныхъ религіозныхъ реформъ. Мензисъ считаетъ пророковъ создателями новой религіи. „Когда мы доходимъ до каноническихъ пророковъ, говоритъ онъ, то чувствуемъ, что въ ученіи ихъ заключается гораздо больше, чѣмъ одно заявленіе, что все должно уступать требованіямъ религіи. Въ мірѣ ихъ мысли произошла большая перемѣна: новая религія возникла въ мысляхъ этихъ людей. Они не говорятъ этого, они не замѣчаютъ этого, и однако это такъ“ (стр. 143). Итакъ они не понимали, что говорили и дѣлали, а поняли это такіе проникательные люди, какъ Мензисъ и ему подобные. Сущность новыхъ религіозныхъ воззрѣній, высказанныхъ пророками, по Мензису, заключалась въ слѣдующемъ: они придали Іеговѣ возвышенный правственный образъ (раньше Іегова будто бы являлся съ отличительными признаками воина, могущественнаго повелителя, дарователя благихъ даровъ, стр. 142), они раскрыли, что Іегова—

Богъ не Израиля, но всего человѣчества и можетъ отвергнуть Израиля, они установили, что отношенія между Яеговою и отдѣльными лицами должны быть непосредственными (а не чрезъ народъ). Особенно высоко Мензисъ ставитъ невѣдомаго пророка, времени вавилонскаго плѣна, которому принадлежатъ послѣднія 27 главъ книги пророка Исаи, приписывавшіяся раньше послѣднему. Неизвѣстный пророкъ въ вдохновенныхъ рѣчахъ и великолѣпныхъ образахъ раскрывалъ Израилю, что его миссія сдѣлать извѣстнымъ истиннаго Бога народамъ, не знающимъ Его. Рѣчи пророковъ наши себѣ откликъ въ сердцахъ Израиля и послѣ плѣна вавилонскаго евреи энергично занялись дѣломъ своего религіознаго усовершенія, въ результатѣ ихъ трудовъ явился законъ, носящій теперь имя закона Моисеева. Еврейская религія вступила въ новый фазисъ развитія, у народа возникло, развилось и окрѣпло чувство грѣховности, выраженіемъ воли Божіей стала считаться книга закона, культъ достигъ высшаго развитія. Національныя надежды въ этотъ періодъ устремляются на Мессію-Освободителя, который будетъ посланъ Богомъ и пришествіе котораго должно стать началомъ утвержденія царствія Божія. Въ послѣдній періодъ предъ Р. Х. у евреевъ утвердилась вѣра въ безсмертіе души, между тѣмъ какъ ранѣе это безсмертіе или рѣшительно отрицалось („въ псалмахъ и другихъ сравнительно позднихъ книгахъ“... „въ одной изъ первыхъ главъ книги Іова „стр. 161, 165) или загробное существованіе душъ рисовались подъ образомъ царства тѣней (Исаи XIV, 10). Только въ болѣе древнихъ частяхъ еврейской исторіи, говоритъ Мензисъ, есть слѣды стариннаго культа предковъ, но такого рода вѣрованіе не имѣло большаго значенія для израиля“.

Какое впечатлѣніе произведетъ эта глава книги Мензиса объ исторіи еврейской религіи на русскаго православнаго читателя? Представимъ себѣ человѣка съ среднимъ или высшимъ, но не богословскимъ образованіемъ, съ православными вѣрованіями, который сталъ бы читать книгу Мензиса. Конечно, такой читатель не можетъ быть настолько наивенъ, чтобы думать, что всѣ изслѣдователи Библии держатся православной точки зрѣнія, онъ долженъ знать, что многіе многое отрицаютъ въ Библии и не тези-

сы книги Мензиса должны поразить его, но двѣ особенности въ изложеніи этихъ тезисовъ: во 1) они излагаются строго догматическимъ тономъ, какъ неоспоримыя истины, во 2) въ доказательство ихъ истинности не приводится никакихъ основаній. Неужели на самомъ дѣлѣ наука съ несомнѣнною ясностію доказала, что усваиваемыя нами съ дѣтства представленія о воспитаніи Богомъ народа Божія—наивный вздоръ, наши представленія о послѣдовательности божественныхъ откровеній—чистая фантазія, неужели отъ русскихъ людей злонамѣренно скрываютъ эти великія научныя открытія?—Въ такомъ предположеніи утвердить читателя готовъ князь С. Трубецкой. „Къ сожалѣнію, пишетъ онъ о переводѣ книги Мензиса¹⁾, переводчица должна была сдѣлать сокращенія въ XII гл. о еврейской религіи, и безъ того крайне сжатой. Мы не можемъ думать безъ глубокой скорби о тѣхъ условіяхъ, которыя дѣлають науку В. и П. Завѣта совершенно недоступной для русскаго читателя, поддерживая постыдное равнодушіе, суевѣріе, невѣжество и дилеттантизмъ въ этой важнѣйшей отрасли знанія, столь всесторонне и широко разработанной европейскою наукой. Намъ хотѣлось бы знать, кто и что выигрываетъ отъ такой постановки дѣла; въ нравственной оцѣнкѣ ся двухъ мнѣній быть не можетъ, а результатъ очевиденъ: вмѣсто науки, вмѣсто критическаго изученія, одушевленнаго высшимъ интересомъ истины и исторической правды,—изученія, которое не можетъ не вести къ величайшимъ *положительнымъ* приобрѣтеніямъ, — господствуетъ невѣжество или кощунство, поверхностное, легкомысленное отрицаніе. Такое отрицаніе можетъ быть побѣждено только знаніемъ, основательнымъ ознакомленіемъ съ предметомъ, а не гоненіемъ на науку. Не странно ли, что признавая ее повсюду, мы хотимъ изгнать ее изъ той области, которую считаемъ важнѣйшею и закрываемъ глаза на то, что здѣсь несомнѣнно наукой добыто? Пусть въ отдѣльныхъ случаяхъ критика ведетъ и къ отрицательнымъ результатамъ: есть нѣчто худшее, чѣмъ отрицаніе: это—равнодушіе и полное отсутствіе интереса къ научной и религіозной истинѣ. А это равнодушіе объясняется естественно тѣмъ, что перѣд-

¹⁾ Op. cit.

ко предлагается у насъ подѣ видо́мъ религіозно-исторической науки: если увѣрить зрѣлаго человѣка, что исторія есть Шехерезада, а басни Эзопа—зоологія, онъ сочтетъ исторію сказкой и зоологію басней“.

Что долженъ подуматъ нашъ предполагаемый читатель, прочитавъ эту тираду, хотя и вызывающую сомнѣнія въ искренности скорби автора, но съ несомнѣнностію открывающую въ авторѣ сильное желаніе возвести кое на кого тяжкія обвиненія? Мы посовѣтывали бы читателю послѣ этого обратиться къ работамъ русскихъ богослововъ въ области Библейской науки. Онѣ немногочисленны и немного прибавляютъ къ работамъ запада, но во 1) въ нихъ не замалчиваются отрицательныя мнѣнія и во 2) въ нихъ не утверждается голословно никакихъ положеній. Пусть опроверженія и основанія въ нихъ представляются слабыя, но въ нихъ нѣтъ антинаучнаго догматизма книги Мензиса (догматизма недопустимаго даже въ учебникѣ), который такъ усердно привѣтствуетъ князь Трубецкой.

Какія имѣются основанія для такого смѣлаго догматизма? Не знаемъ: ни одно изъ приведенныхъ нами утверженій Мензиса относительно религіи евреевъ не считается въ западной наукѣ безспорнымъ. Мензисъ говоритъ, что евреи первоначально были политеистами. Что евреи во всѣ времена вплоть до вавилонскаго плѣна склонялись къ политеизму, это знали всѣ и всегда, но что въ жизни евреевъ было время, когда у нихъ совсѣмъ не исповѣдывался монотеизмъ, это отрицали и отрицають многіе. Это отрицають всѣ католическіе и многіе протестантскіе богословы, не только признающіе первоначальный монотеизмъ у евреевъ, но предпринимающіе попытки найти слѣды монотеизма въ первичныхъ формахъ всѣхъ религій древняго міра (такова, наприм., недавняя попытка Штейде, см. его статью „Die apologetische Bedeutung der allgemeinen Religionsgeschichte“ въ Beweis d. Glaubens. №№ 2, 5, 6, 12 за 1896). Мало этого. Монотеизмъ у евреевъ признаетъ и Ренаиъ, предложившій своеобразную гипотезу происхожденія монотеизма у семитовъ. Мензисъ говоритъ далѣе, что у евреевъ приносились человѣческія жертвы и изъ его словъ выходитъ, что эти жертвы одобрялись лучшими представителями религіозныхъ началъ въ Израилѣ. Онъ ссылается на три случая

человѣческихъ жертвоприношеній и даже не считаетъ нужнымъ указать читателю мѣста, гдѣ о нихъ говорится въ Библии, между тѣмъ, справившись съ этими мѣстами, читатель бы увидѣлъ, что ни въ одномъ изъ нихъ не утверждается фактъ человѣческаго жертвоприношенія. Принесеніе Авраамомъ Исаака въ жертву (Быт. XXII) было только искушеніемъ вѣры Авраама въ Господа. Принесъ ли Іефѳай свою дочь во всесоженіе, какъ онъ обѣщаль это сдѣлать (Судей XI, 30—31)? Многіе толкователи отрицали это и выраженіе Библии объ исполненіи Іефѳаемъ даннаго обѣта надъ дочерью понимали въ томъ смыслѣ, что она была посвящена имъ „на служеніе Богу“ и „не познала мужа“. Но допустимъ, что она дѣйствительно была принесена въ жертву, слѣдуетъ ли отсюда, что эти жертвы освящались религіею Израиля? Это слѣдовало бы, еслибы Іефѳай былъ представленъ въ Библии, какъ посетитель началъ истинной религіи Израиля, но онъ вовсе не представляется таковымъ. Весь судейскій періодъ писатель книги Судей представляетъ чрезвычайно мрачнымъ въ религіозномъ отношеніи, въ частности объ Іефѳаѣ—одномъ изъ дѣятелей этого періода—онъ сообщаетъ, что онъ былъ сыномъ блудницы, человѣкомъ храбрымъ и атаманомъ вольницы, въ своемъ обѣтѣ и рѣшимости его исполнить, несомпѣнно, онъ проявилъ искреннюю религіозность, но Библия совсѣмъ не приписываетъ ему правильнаго религіознаго пониманія, текстъ повѣствованія даетъ понятъ, что его обѣтъ должно признать необдуманнѣмъ, а отношеніе дочерей израилевыхъ къ его исполненію (суд. XI, 39—40), что оно представлялося чѣмъ-то ужаснымъ и неслыханнымъ. Мысль о принесеніи Агага въ жертву подали слова Библии: „и разрубилъ Самуилъ Агага предъ Господомъ въ Галгалѣ“ (1 Царств. XV, 33). Выраженіе „предъ Господомъ“, конечно, не заключаетъ въ себѣ непременно мысли о жертвѣ, но главное—контекстъ повѣствованія совершенно устраняетъ эту мысль. Саулъ получилъ повелѣніе истребить всѣхъ амаликитянъ и все у амаликитянъ, но онъ пощадилъ Агага, царя Амаликского, и лучший скотъ, послѣдній съ тѣмъ, чтобы принести его въ жертву, Самуилъ обличилъ его за то, что онъ пощадилъ „заклятое“ и обнаружилъ непослушаніе; конечно,

не могъ Самуиль послѣ этого обличенія самъ приносить это „заклятое“ въ жертву.

Созданіе закона извѣстнаго подѣ именемъ Моисеева Мензисъ относитъ къ послѣднѣйшему періоду еврейской исторіи. Взглядъ этотъ, какъ и другіе взгляды Мензиса, не новъ, но такъ же, какъ и другіе его взгляды, онъ вовсе не всеобщъ и не раздѣляется большинствомъ. На томъ же языкѣ, на которомъ написана и его книга, въ 1895 году вышло изслѣдованіе „*Lex Mosaica. The Law of Moses and Higher Criticism*“ (London and New York, Eyre and Spottiswoode XXXVI, 652 p.p. 8ⁿ). Задача книги—опровергнуть теорію поздняго происхожденія закона Моисеева и показать, что традиціонное представленіе о времени происхожденія пятокнижія вполнѣ соотвѣтствуетъ научнымъ изысканіямъ настоящаго времени, что порядокъ законоположительныхъ и историческихъ книгъ не противоестествененъ, а соотвѣтствуетъ дѣйствительной исторической послѣдовательности событій. Книга написана пятнадцатью лицами. Предисловіе, говорящее о духѣ и цѣли предпріятія, написано епископомъ лордомъ Гервеемъ (теперь умершимъ), первый трактатъ „о представляемыхъ археологическою наукою доказательствахъ существованія литературной дѣятельности во времена Моисея“ написанъ извѣстнымъ ориенталистомъ профессоромъ Сейсомъ. Задача трактата доказать принадлежность Моисею двухъ первыхъ книгъ пятокнижія. Второй трактатъ о „Моисей, какъ создатель левитскихъ священныя обрядовъ“ написанъ профессоромъ Равлинсономъ, имъ утверждается происхожденіе средней части торы отъ великаго еврейскаго законодателя. Въ слѣдующемъ трактатѣ профессоръ Дугласъ раскрываетъ, что гипотеза о происхожденіи второзаконія въ послѣднее время предѣ плѣномъ вавилонскимъ (именно при первосвященникѣ Хелкии въ правленіи Іосіи. 4 Царствъ, XXII, 8 и слѣд.) не можетъ быть допущена и что смыслъ содержащихся въ ней постановленій можетъ быть поняты лишь при предположеніи ея происхожденія во времена Моисея. Слѣдующіе писатели утверждаютъ историческій характеръ и истинность повѣствованія дальнѣйшихъ библейскихъ книгъ. Вотъ ихъ имена и ихъ изслѣдованія: Джирдльстонъ—„Періодъ Иисуса“ (Навина), Френчъ—„Время Судей“, профессоръ Ліасъ—„Времена

Самуила и Саула“, ректоръ Ватсонъ— „Эпоха Давида и Соломона“, Шерпъ, Стюартъ, профессоръ Летчъ, Зинкеръ обнимаютъ своими статьями періодъ отъ раздѣленія царствъ до вавилонскаго плѣна, Спенсеръ— „Гезекіиль и священническая школа“ (о періодѣ вавилонскаго плѣна), профессоръ Ватсъ— „Послѣдніи періодъ“, эпилогъ написанъ профессоромъ Васомъ. Названныя имена говорятъ много занимающимся библейскою наукою, но имя Мензиса не говорить ничего.

Русскій читатель впалъ бы въ заблужденіе, еслибы подумалъ, что книги подобныя нами названной представляютъ собою на западѣ исключительное явленіе ³⁾. Замѣчательно, что ориенталисты вообще (не говоримъ о частностяхъ), признаютъ историческій характеръ библейскихъ повѣствованій и представляемую Библию послѣдовательность событій; это подало поводъ апологетамъ обращаться за доводами для своихъ положеній къ даннымъ ассириологии и египтологии (какъ на одинъ изъ лучшихъ трудовъ въ этомъ родѣ, укажемъ на изслѣдованіе Вигуру — *La Bible et les nouvelles decouvertes*, есть въ нѣмецкомъ переводѣ). На самомъ дѣлѣ данныя ассириологии и египтологии не отводятъ отъ Библии, а приводятъ къ ней (подобное можно бы сказать и о зендъ авестѣ, но здѣсь возможны предположенія, которыя и существуютъ въ наукѣ, о заимствованіяхъ по мнѣнію однихъ

³⁾ Почти одновременно съ Мензисомъ Джемсъ Робертсонъ — тоже профессоръ Шотландскаго университета (въ Глазгоу), но только пользующійся широкую извѣстностію — издалъ изслѣдованіе о древней религіи Израіля (*The early religion of Israel*), въ каковомъ изслѣдованіи въ общемъ (но не въ частностяхъ) становится на сторону традиціоннаго взгляда. Его книга явилась въ нѣмецкомъ переводѣ подъ заглавіемъ *Die alte Religion Israels vor dem achten Jahrhundert v. Chr., nach der Bibel und nach den modernen Kritikern*. 1896. Въ протестантской Германіи въ настоящее время происходитъ оживленное движеніе въ защиту потлпности священныхъ книгъ и традиціоннаго взгляда на судьбы ветхозавѣтной религіи. Съ этимъ движеніемъ можно познакомиться по статьямъ Цокклера въ *Bew. d. Glaubens* — „*Deutsche Streiter wider die alttestamentliche Radikalkritik*“ (въ декабрьской книжкѣ за прошлый 1896 г., въ январьской, мартовской и апрѣльской — за текущій). Не говоримъ о католическихъ произведеніяхъ по вопросу о ветхозавѣтнотъ откровеніи, и въ видѣ журнальныхъ статей и въ видѣ обширныхъ изслѣдованій ихъ появляется очень много, они стоятъ на той же почвѣ, на какой стоятъ и православные мыслители, и ни Мензисъ, ни кн. Трубецкой, думаемъ, не посмѣютъ отрицать у нихъ знанія дѣла.

ученыхъ—евреевъ у персовъ, по мнѣнію другихъ—персовъ у евреевъ): сходство халдейскихъ преданій о первыхъ временахъ міра съ еврейскими и несомнѣнно глубокая древность первыхъ (до Моисея) заставляетъ отрицать позднее происхожденіе вторыхъ, точно также сопоставленіе повѣствованія Библии съ свидѣтельствами египетскихъ памятниковъ (напр., Бытія XII съ нѣкоторыми папирусами одиннадцатой династіи) ведетъ къ заключенію, что описанія событій въ Библии явились немного позднѣе самихъ событій. Мы думаемъ, что по мѣрѣ того, какъ ассириологія и египтологія будутъ развиваться, предвзятыя хронологическія построенія, предлагаемыя учеными раціоналистическаго направленія, будутъ расшатываться и наконецъ исчезнуть, какъ на пространствѣ вѣковъ умерло вѣчною смертію много раціоналистическихъ гипотезъ относительно содержанія Библии. Намъ скажутъ, что это только наша вѣра. Да, это только наша вѣра, но вѣдь, и представленіе о ходѣ религіознаго развитія у евреевъ, предложенное Мензисомъ, есть только вѣра и притомъ вѣра новая и раздѣляемая немногими. Зачѣмъ же она такъ смѣло выдается за фактъ? И зачѣмъ такой способъ изложенія и такіе взгляды привѣтствуются такъ усердно?

Мензисъ утверждаетъ, какъ безспорную и не могущую возбуждать сомнѣній истину, что послѣднія 27 главъ книги пр. Исаіи написаны не тѣмъ лицомъ, которому принадлежатъ первыя 39, а какимъ-то „невѣдомымъ пророкомъ“. Для многихъ русскихъ читателей эта истина, конечно, окажется неожиданною новостію. Въ наукѣ не какъ истина, но какъ гипотеза это мнѣніе имѣетъ за собою уже большую давность. Въ восемнадцатомъ столѣтіи Коппэ подвергъ сомнѣнію дѣльность книги Исаіи, затѣмъ Додерлейнъ, Розенмюллеръ (о XIII и XIV глав.), въ новое время многіе западные критики разбили книгу пророка Исаіи на двѣ части такъ, какъ ихъ велѣдъ за ними дѣлать и Мензисъ и первую часть признали написанною Исаіею, жившимъ до плѣна, вторую послѣплѣннымъ Исаіею или псевдо-Исаіею. Но это мнѣніе не есть общепринятое, оно имѣетъ противъ себя прежде всего единство языка и стиля. Вавилонскій плѣнъ сказался вліяніемъ своей культуры на евреевъ, и потому въ ихъ произведеніяхъ, написанныхъ въ этотъ періодъ, обнаруживаются слѣды халдейскаго языка (у пророковъ Іереміи и Іезекііля), вся книга пророка

Исаи написана чистѣйшимъ классическимъ языкомъ. Затѣмъ вся книга пр. Исаи отличается исключительнымъ изяществомъ стиля и наконецъ ея содержаніе представляетъ полное единство. Относительно XL-й главы, съ которой будто бы начинается говорить новый авторъ, жившій совѣмъ въ другой періодъ еврейской исторіи, должно сказать, что она по своему содержанію весьма близко и тѣсно примыкаетъ къ непосредственно предшествующей ей пророческой XXXV-й главѣ (главы XXXVI — XXXIX историческія)⁴⁾. Затѣмъ же, спросить, понадобилось предположеніе о псевдо-Исаи? Затѣмъ, чтобы естественнымъ образомъ объяснить происхожденіе XLV главы, содержащей пророчество о Кирѣ, и утвердить всѣхъ въ мысли, что vaticinia бываютъ только post eventum. Такимъ образомъ догматизмъ Мензиса имѣетъ своимъ основаніемъ отрицаніе сверхъестественнаго, а не несомнѣнныя приобрѣтенія науки.

Въ своей краткой, но всеобъемлющей исторіи религіи Мензисъ даетъ намъ и исторію развитія у евреевъ вѣры въ безсмертіе: сначала культъ предковъ, далѣе признаніе царства тѣней, затѣмъ полное невѣріе и наконецъ рѣшительное утвержденіе вѣры въ безсмертіе. Генезисъ довольно странный⁵⁾, но какія имѣются основанія для того, чтобы принять его? Слѣдовъ культа предковъ, вопреки Мензису, не имѣется въ Библии, есть въ одной изъ неканоническихъ книгъ разсужденіе объ обожествленіи умершихъ людей, но книга эта (Премудрость Соломона XIV, 12—21) происхожденія поздняго и разсужденіе ея не въ пользу Мензиса. Мпнуя царство тѣней относительно утвержденія вѣры евреевъ въ безсмертіе замѣтимъ, что въ божественномъ откровеніи идея безсмертія раскрывалась постепенно въ теченіе Вѣтхаго Завѣта и съ полною ясностію излагается въ книгѣ пророка Даніила, но въ народномъ сознаніи эта вѣра

⁴⁾ Въ настоящее время практикантомъ Московской Д. Академіи г. И. В. Успенскимъ готовится къ печати въ качествѣ магистерской диссертациі изслѣдованіе „единство книги пророка Исаи“ Имъ будетъ данъ разборъ вмѣняющихся въ настоящее время въ наукѣ предположеній о происхожденіи и составѣ книги.

⁵⁾ На русскомъ языкѣ объ этомъ предметѣ имѣетъ въ изданіи г. Юнгера (Ученіе Вѣтхаго Завѣта о безсмертіи души и за рѣбкой жизни. Казань. 1882).

далеко не утвердилась и ко времени пришествія Господа Иисуса Христа, въ чемъ можно убѣдиться и на основаніи книгъ новозавѣтныхъ, прежде всего Евангелія.

Свою главу объ Израилѣ Мензисъ кончаетъ заявленіемъ, что въ концѣ концовъ „іудейство сдѣлалось религіей полной противорѣчій“ (стр. 162). Князь Трубецкой сожалеетъ, что глава объ Израилѣ явилась въ русскомъ переводѣ въ сокращеніи, мы сожалѣемъ о томъ, что она все-таки явилась. Читатель свѣдущій увидитъ въ ней голословный отзвукъ нѣкоторыхъ теорій, стоящихъ на очереди дня на западѣ, читатель несвѣдущій будетъ изумленъ и пораженъ ея содержаніемъ и однако не узнаетъ ни одного изъ основаній, во имя которыхъ возникли и поддерживаются положенія, такъ рѣшительно утверждаемыя Мензисомъ. Въ 1895 г. явилась въ русскомъ переводѣ „древняя исторія народовъ востока“ Ж. Масперо. Масперо держится многихъ изъ тѣхъ теорій, которымъ рабски слѣдуетъ Мензисъ, но даже и въ краткомъ учебникѣ Масперо неголословенъ, онъ вездѣ указываетъ свои источники и даетъ возможность читателю провѣрить его выводы, онъ не приглашаетъ вѣрить ему на слово, не хочетъ сдѣлать изъ читателя раба (иногда матеріалъ для опроверженія его взглядовъ можно найти прямо у него въ текстѣ въ приводимыхъ имъ выдержкахъ изъ источниковъ, укажемъ для примѣра на 392 страницу). Мензиса провѣрить нельзя и благоразумному читателю, остается только просто ему не вѣрить. Будемъ надѣяться, что читатели такъ и поступятъ.

Дѣлая замѣчанія относительно первой части книги Мензиса, мы высказали, что лучше было бы ему не писать о первичныхъ до-историческихъ формахъ религіи, ибо за Библией для этого періода онъ не признаетъ значенія источника, а другихъ источниковъ не имѣется, теперь относительно исторіи религіи израиля мы замѣтимъ, что Мензису тоже не слѣдовало бы излагать ее, но по противоположной причинѣ. Матеріала здѣсь много и онъ хорошо разработанъ, но дѣло въ томъ, что каждому этотъ матеріалъ извѣстенъ въ большомъ объемѣ, чѣмъ въ какомъ его предлагаетъ Мензисъ, и у каждого имѣются или внушенные при обученіи и воспитаніи или лично выработанные взгляды на тѣ построенія, которыя дѣлаются на основаніи этого матеріала.

Заявленія Мензиса, что послѣдовательность фактовъ въ исторіи религіи израиля была не такою, какою ее представляетъ Библія, что въ религіи израиля не было сверхъестественнаго элемента и что достоинство ея ниже того, какое ей обыкновенно приписывалось, эти заявленія, сдѣланныя безъ уваженія къ религіозному христіанскому чувству и голословно, только оттолкнуть отъ книги православнаго читателя, между тѣмъ своими свѣдѣніями о естественныхъ религіяхъ древняго міра она могла бы быть мало-мальски полезной въ нашей скудной учебной литературѣ. Если кн. Трубецкой или кто другой скажутъ намъ, что предлагаемое нами выдѣленіе религіи израиля изъ общей исторіи религій ненормально и противоестественно, мы отвѣтимъ, что это выдѣленіе явленіе довольно обычное и не у насъ, а на западѣ: въ усердно рекомендуемомъ княз. Трубецкимъ учебникѣ по исторіи религій Шантени де-ла Соссэ читатель не найдетъ исторіи религіи израиля⁶⁾. Русскому читателю желающему познакомиться съ этой исторіей мы можемъ указать на книгу проф. Лопухина „Библейская исторія“. Ветхій Завѣтъ (2 большихъ тома 1889—1890 г.г.), по отдѣльнымъ вопросамъ помѣщалось много статей въ духовныхъ журналахъ и имѣется довольно значительное количество монографій (преимущественно диссертаций).

Въ той же части книги, гдѣ говорится Мензисомъ объ исторіи израиля, излагается имъ и религія ислама. Г. Павленковъ немного раньше, чѣмъ издать переводъ книги Мензиса, издалъ маленькую книжку „Магометъ“, написанную г. Влад. Соловьевымъ. Мы можемъ только сказать, что послѣдняя написана несравненно талантливѣе, интереснѣе и является несравненно болѣе содержательною, чѣмъ статья Мензиса. Но мы не будемъ подвергать разбору его изложеніе ислама, обратимъ вниманіе на другую сторону дѣла. Книга Мензиса носитъ заглавіе „исторіи религій“, слѣдовательно, она должна дать исторію ислама, но она не даетъ этой исторіи, какъ не даетъ — что мы увидимъ ниже —

⁶⁾ Въ второмъ только что выходящемъ изданіи (томъ 1-ый) книги Шантени дела Соссэ статья о религіи евреевъ подъ заглавіемъ „Die Israeliten“ написана utrechtскимъ профессоромъ Ватетономъ Эго — конспективное изложеніе религіозной исторіи израиля (S. S. 242—325) приблизительно въ духѣ тѣхъ теорій, которымъ слѣдуетъ и Мензисъ.

исторіи браманизма, буддизма, парсизма и т. д. Мензисъ поучаетъ насъ, что развитіе религіи идетъ рука объ руку съ развитіемъ культуры, но изъ этого положенія немного можно сдѣлать полезныхъ выводовъ, между тѣмъ изображеніе судебъ религій даетъ достаточно матеріала для установленія нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ законовъ хода религіознаго развитія въ человѣчествѣ. Можно показать, что въ судьбахъ многихъ религій есть много общаго. Обыкновенно послѣ смерти основателя религіи немедленно возникали споры о пониманіи его ученія и вскорѣ затѣмъ послѣдователи религіи дробились на большее или меньшее число сектъ, главнѣйшими изъ которыхъ обыкновенно бывали такія: ортодоксальная, которая записанное ученіе всегда старалась утвердить на прочномъ фундаментѣ преданія, мистическая и раціоналистическая—эти двѣ неизбѣжныя крайности, результатъ односторонней дѣятельности сердца или ума, и наконецъ, оппортунистическая, поставляющая задачей примирить небесные интересы съ земными и вступающая въ компромиссы съ государствомъ, наукою или—что хуже всего—съ требованіями нечистой человѣческой совѣсти. Въ каждой сектѣ обыкновенно тоже обнаруживаются различныя направленія. Затѣмъ, въ религіозной жизни каждой общины почти всегда обнаруживаются явленія подобныя морскимъ приливамъ и отливамъ: то высокій религіозный подъемъ духа, то реакція, за періодомъ искренней внутренней религіозности слѣдуетъ внѣшняя обрядность, фформализмъ, которые по истеченіи времени вызываютъ протесты со стороны лучшихъ людей. Всѣ подобныя явленія удобнѣе всего наблюдать на исламѣ. Его судьба съ самаго момента его зарожденія происходила при полномъ и ясномъ свѣтѣ исторіи, чего нельзя сказать ни о какой другой религіи. Мензисъ, если онъ желалъ, чтобы его книга не по имени, но въ дѣйствительности была исторіею, и долженъ былъ дать исторію судебъ ислама. Это было бы полезнѣе его бесполезной главы объ израилѣ. Но онъ не сдѣлалъ этого. Но русскіе читатели могутъ не смущаться этимъ. На русскомъ языкѣ существуетъ много и переводныхъ и оригинальныхъ трактатовъ по исторіи ислама. Много въ области изученія магометанства сдѣлано казанскою духовною академіею. Не понимаемъ, почему кн. Трубецкой, взявшій на себя трудъ

руководить русскихъ читателей въ дѣлѣ изученія религій, не указавъ имъ трудовъ объ исламѣ Ренана, „Магометъ“ котораго переведенъ на русскій языкъ Печатались и даже въ недавнее время въ русскихъ изданіяхъ и статьи о сектахъ и судьбахъ ислама (въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ Уманца, въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ Трачевскаго). Мы не имѣемъ своєю задачею давать въ настоящей статьѣ библиографическія справки по исторіи религій, однако позволимъ себѣ къ пособіямъ, перечисляемымъ княз. Трубецкимъ для изученія ислама, присоединить еще „Der Islam in seinem Einfluss auf das Leben Seiner Bekenner“ von Johannes Haugl. Хотя авторъ этой книги и серьезно думаетъ, что русскій деспотизмъ насаждаетъ культуру въ Азіи при помощи кнута (S. 339—340), однако, оставивъ въ сторонѣ это, въ его книгѣ читатель найдетъ оцѣнку ислама съ христіанской точки зрѣнія, что можно найти далеко не во многихъ руководствахъ (попытку произвести сравненіе ученія корана съ христіанствомъ на русскомъ языкѣ сдѣлать о. Боголюбскій въ книгѣ „исламъ“).

Статьею объ исламѣ Мензисъ заканчиваетъ третью часть своей книги, посвященную вѣрованіямъ семитической группы народовъ. Онъ удѣлилъ исламу мѣше вниманія, чѣмъ религіи тевтоновъ, между тѣмъ исламъ исповѣдуются въ настоящее время болѣе, чѣмъ 120 милліонами, а религія германцевъ умерла тысячу лѣтъ назадъ, оставивъ міру всего лишь нѣсколько интересныхъ и поэтическихъ сагъ. Можно было бы быть повнимательнѣе къ бѣднымъ поклонникамъ Магомета.

(Окончаніе слѣдуетъ).

С. Глаголевъ.